

НОСЕНКО Н. М. — в ПОМПОЛИТ

НОСЕНКО Марк Семенович. Социал-демократ. В 1925 — арестован в Ростове-на-Дону, 7 апреля приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Ташкент.

В августе 1928 — в Помполит обратилась за помощью его жена, Н. М. Носенко.

<29 августа 1928>

«Копия "Учительская газета".

В Общество Помощи Политзаключенным

жены полит<ического>
ссылного Носенко Н. М.

Заявление

Обращаюсь в Общество помощи политзаключенным, вынужденная на это безвыходностью создавшегося для меня положения.

Я прошу поставить перед соответствующими организациями вопрос о том, являюсь ли я ответственной за убеждения своего мужа, и, если не являюсь, то просить эти организации положить конец тем преследованиям, которым я подвергаюсь как жена политзаключенного, теперь уже ссылного Носенко Марка (г<ород> Ташкент).

С момента ареста мужа на меня начинают поступать материалы в Правление Союза о том, что мой муж "лидер меньшевиков", я "не рву" с ним связи, езжу к нему на свидание, переписываюсь, что на основании этого я нетерпима в школе.

Такой же материал поступает в Пед<агогический> ВУЗ с требованием удалить меня оттуда, как студентку. Неоднократно в присутствии студентов мне напоминают о том, кто мой муж.

Во время зачетов на последнем курсе доцент института ведет компанию среди студентов, обвиняя меня в контрреволюции и меньшевизме. "Меньшевичка" становится моей второй фамилией, хотя я никогда ни в какой партии не состояла.

При распределении студентов, окончивших Пед<агогический> ВУЗ, на работу комиссия по составлению характеристик заносит меня в "черный" список, т<о> е<сть> в список лиц, которые не могут быть допущены к работе в школе II степени.

Материал дается устно представителями профкома и парт<ийной> ячейки ВУЗа без занесения в протокол, при закрытых дверях.

Когда я пытаюсь поднять вопрос о недопустимости таких приемов в отношении меня, как школьного, профессионального и общественного работника, представители в комиссии от ВУЗа, в том числе член Окр<ужного> Правления Союза Раброс собирают группу студентов (не указывая, по какому вопросу) и от имени "красного" студенчества составляют резолюцию, в которой обвиняют меня в контрреволюции, меньшевизме и белогвардейщине, и эту резолюцию зачитывают на общегородской конференции работников школ II степени, предварительно поставив условием не обсуждать ее.

Для меня создается невыносимая моральная обстановка: товарищи сторонятся меня, боясь не только разговаривать, но даже здороваться, чтобы не попасть на подозрение.

В Правлении Союза мое заявление с требованием расследовать дело и реабилитировать меня, как члена Союза, валяется две недели, председатель отказывается поставить его на заседании Окр<ужного> Правления, считая, что поднятый мной вопрос есть частное дело, и Союз не обязан вмешиваться.

Я настаиваю тогда на передаче заявления прокурору, что выполняется, но результатов от этого нет.

Меня пытаются лишить избирательных прав, как жену политзаключенного, но представитель Адм<инистративного> отдела, явившись на квартиру ко мне, устанавливает по предъявленным мной документам, что я с 17 лет зарабатываю себе средства существования, работая в начальной школе.

По вопросу о преследованиях и резолюции обращаюсь лично к председателю Крайпроса, но он также находит все моим личным делом.

Работы во второй ступени я не получаю, хотя по своему педагогическому профессиональному стажу согласно директив ЦК Союза имею право в первую очередь на место во II ступени. Заявление об этом я подаю в Окружное правление, а копию пересылаю в ЦК Союза.

Правление рассматривает заявление, выносит решение о предоставлении мне места, попутно обвиняет меня в неправильном уклоне. Места во II ступени я не получаю.

Когда коллектив школы избирает меня профсоюзным делегатом, группком заявляет мне отвод, протокола не утверждает, и предлагает избрать профсоюзным делегатом работника другого (автора материалов о моем "меньшевизме"). В связи с этим для меня и в школе создается тягостная обстановка.

В течение всего этого времени и вообще за время революции мне органами ГПУ никогда никаких обвинений не предъявлялось.

Работа моя в школе школьным советом всегда расценивалась, как правильно поставленная. Работа в профсоюзных организациях (профсоюзный делегат и член МК) также признавалась при всех отчетах удовлетворительной.

Наряду с обстановкой, создавшейся для меня в школе, и вне ее, дома, на почве той же несправедливости моей, как жены политзаключенного, во время отъезда в отпуск отнята половина жилплощади.

В комиссии по квартирному вопросу первым вопросом было, кто мой муж, и где он находится, и это решило вопрос о жилплощади. Я с тремя детьми, из которых младший также болен туберкулезом, были уплотнены на 12 квадратных метрах (норма в Краснодаре 9 метров на человека).

Получаемых мною в то время 38 рублей не хватало на то, чтобы прокормить, одеть, обусть и учить 3-х ребят, и одного пришлось отдать на "хлеба" родным.

Ясно сознавая, что работать в создавшейся обстановке так, как этого требует дело, я долго не смогу, что силы мои и физические, и моральные идут резко на убыль, я пыталась переменить место работы — перейти в Ташкент, чтобы жить одной семьей и обеспечить уход больному мужу. Для перехода необходимо, кроме заявления, предоставить справку о прежней службе.

Вопрос был решен положительно после недели хождений из Союза в ОНО и обратно. Сегодня мне заводской Горно категорически отказал, предложив раньше подать заявление об уходе.

Я чувствую себя загнанной в тупик. Те организации, на обязанности которых лежит защищать материальные и правовые интересы работника, не хотят или не смеют делать этого в отношении меня.

На руках у меня трое детей и муж больной, измученный нервно человек. Ему отказывают упорно в предоставлении работы в учреждениях (как ссыльному), и он вынужден с опухолью на печени и острой невралгией позвоночника зарабатывать на хлеб себе тяжелым физическим трудом. Я бессильна помочь ему. Оставить работу, чтобы получить справку о работе в Краснодаре, не получив ее в Ташкенте, я не могу.

Где выход? Под колесами вагона или в петле? Но тех, кто находит этот выход, а на Кубани ряд учителей нашел его там, называют трусами, изменниками делу революции.

Я прошу Политпомощь и организации Центра указать мне правильный выход.

29/VIII-28 г<ода>. Носенко»¹.

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 241. С. 341-344. Автограф.